

ЯЗЫК И ОБРАЗНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ THE LANGUAGE AND IMAGERY OF FICTION

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.033
УДК 81'373.21+82:398(571.15)

Т. А. Богумил
*Алтайский государственный
педагогический университет*
Барнаул, Россия

ОБРАЗ ЗМЕИНОГОРСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Настоящая статья тематически принадлежит актуальному для современного литературоведения направлению изучения городских «сверхтекстов». Предмет исследования — литературный образ г. Змеиногорска, репрезентирующий Рудный Алтай в целом. Материал для анализа — обнаруженные нами художественные произведения о городе, с привлечением фольклорных представлений и историко-географических текстов. Методологической основой статьи выступают исследования «городских текстов» представителей тартуско-московской семиотической школы (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман) и их современных последователей, а также геопоэтический подход, изучающий культурные формы организации земного пространства (В. В. Абашев). Анализ художественных текстов о Змеиногорске позволил выявить основные тенденции в литературной репрезентации темы города. Образ Змеиногорска на типологическом и генетическом уровне сближается с образом Екатеринбурга. В исторической повести П. А. Бородкина «Тайна Змеиной горы» (1966) выведена ключевая семантическая оппозиция образа горнозаводского города середины XVIII в. Она видится автором как антитеза «рай (природа) — ад (завод)». На уровне «сверхтекста» реализуется инвариантный для «сибирского текста» сюжет перехода от «рая» к «аду» (П. А. Бородкин), и наоборот (А. П. Хейдок). «Змеиная» топонимика актуализирует соответствующую мифологию и образность города, а также змееборческий сюжет, видоизмененный применительно к социальным обстоятельствам. Мифологический Змей становится метафорой начальства (П. А. Бородкин, Е. Евтушенко). В современной прозе Змею возвращаются его мифологические функции Хранителя подземных недр, но снимается конфликтность сюжета в пользу партнерства человека и природы (Юстасия Тарасава).

В целом, «сверхтекст» города находится в стадии становления, значительный мифологический и семантический потенциал образа Змеиногорска ожидает своей реализации.

Ключевые слова: городской текст; образ Алтая; сюжет змеборчества; сибирский текст; Колывань; Екатеринбург

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ (№ 18-412-220004) и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Цитирование: *Богумил Т. А.* Образ Змеиногорска в художественной литературе. DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.033 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 210–224.

Поступила в редакцию: 29.07.2019

Принята к печати: 17.04.2020

Tatiana A. Bogumil

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia*

IMAGE OF ZMEINOGORSK IN FICTION

Thematically, this article lies within the research field connected with the study of urban “supertexts” and is relevant for contemporary literary criticism. The subject of the research is the literary image of Zmeinogorsk, a town representative of the Ore Altai as a whole. The author refers to works of art about the town which she has discovered. They are based on folklore, historical, and geographic texts. The methodological basis of the article is the study of “urban texts” by representatives of the Tartu–Moscow Semiotic School (V. N. Toporov, Yu. M. Lotman) and their modern followers, as well as the geo-poetic approach that studies cultural forms of the structure of terrestrial space (V. V. Abashev). Analysis of fiction about Zmeinogorsk reveals the main tendencies in the literary representation of the urban theme. The image of Zmeinogorsk comes close to the image of Yekaterinburg on the typological and genetic levels. The historical story by P. A. Borodkin *Secrets of Snake Mountain* (1966) represents the key semantic opposition of the mining and metallurgical image of the town in the mid-eighteenth century. The author sees it as an antithesis of “paradise (nature) and hell (plant)”. The plot of transition from “paradise” to “hell” (P. A. Borodkin) and vice versa (A. P. Heidok) is an invariant for the “Siberian text”. It is realised on the “supertext” level. The “snake” toponymy actualises the corresponding mythology and imagery of the town as well as the plot of “fighting a serpent”, modified according to social circumstances. The mythological serpent becomes a metaphor of the authorities (P. A. Borodkin, E. Yevtushenko). In modern prose, the Serpent returns its mythological functions as the Guardian of the depths of the earth, but the conflict of the plot is removed in favour of partnership between man and nature (Eustasia Tarasawa).

In general, the “supertext” of the town is in its infancy, a significant mythological and semantic potential of Zmeinogorsk is still to be realised.

Key words: urban text; image of Altai; plot of fighting a serpent; Siberian text; Kolyvan; Yekaterinburg

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* (RFBR) and the Government of Altai Territory grant 18-412-220004 “Altai in the National Literature of the 20th–21st Centuries: Cultural and Tourist Potential”.

For citation: Bogumil, T. A. (2020). Obraz Zmeinogorska v khudozhestvennoi literature [Image of Zmeinogorsk in Fiction]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 210–224. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.033

Submitted: 29.07.2019

Accepted: 17.04.2020

Как известно, основателем горнозаводской промышленности на Алтае был владелец уральских предприятий А. Н. Демидов¹. Начиная с 1745 г. главным поставщиком серебросвинцовых руд и самородного золота для Колывано-Воскресенских заводов стал Змеевский рудник. Из Змеевской крепости, защищавшей рудник от набегов кочевников, вырос промышленный поселок, дважды, в XIX и XX вв., получавший статус города [Бородаев, Контев]. Наиболее активная фаза разработок подземных ресурсов пришлась на вторую половину XVIII — первую треть XIX в., когда все Колывано-Воскресенские заводы перешли под ведение императорского Кабинета (с 1747 г.). В это время Алтай, наряду с Уралом, был одним из крупнейших горнозаводских районов и основным источником серебра для всей Российской империи [Ведерников, с. 42].

Горная часть Колывано-Воскресенских заводов, их рудная база — Змеиногорск и Колывань. Образ этого пространства складывался, как минимум, в трех системах словесных текстов: фольклоре, документальной прозе (в первую очередь, в травелогах) и художественной литературе. Первые два корпуса материалов уже становились предметом внимания историков [Ведерников; Дегтярев] и, в некоторой степени, фольклористов [Феоктистова; Шнайдер].

Цель настоящей статьи — представить литературный образ города Змеиногорска. Изучение образа Алтая и «алтайского текста» началось около пятнадцати лет тому назад. Между тем, образ так называемого Рудного Алтая и его русского центра — города Змеиногорска — до сих пор не становился предметом системного литературоведческого исследования. Горнозаводской центр, по принципу

¹ Акинфий Демидов ни разу не посетил Колывано-Воскресенские заводы, что не помешало возникновению народных рассказов о нем (о золотой карете или колесе, о проклятии Демидовым города Барнаула). В алтайском фольклоре отсутствуют династический миф о заводоладельцах, специфичный для уральского текста [Никитин]. Вместо Демидовых статус абсолютных «царьков» своих владений делегировался управляющим, наместникам-самодурам.

синекдохи, репрезентирует русский Рудный Алтай в целом. Материалом для анализа стали обнаруженные нами художественные произведения о городе, с привлечением фольклорных представлений и историко-географических текстов.

Фольклор горнозаводских рабочих Алтая генетически восходит к уральскому фольклору, поскольку первыми работниками на Алтае были приезжие с Урала [Шнайдер, с. 490]. Так, общими являются представления о «чуди», древних разработчиках руды; о Великом Полозе или Горном Змее, хозяине горных недр; об удачливых беглецах с тяжелейшей заводской работы (на Алтае — Сорока, Криволучский); о Демидове и его наместниках, о стрельбе в жестоких управителей; о построении плотины, обязательной для металлургического завода, и пр. Разработка Змеиной горы создала разветвленную подземную сеть ходов, что актуализировало мифологические представления о потустороннем, тайном, запретном, опасном или спасительном (Змей карающий; Змей или Ермак, указующий клад; путь в Беловодье через подземные ходы).

В историко-географических трудах исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. сложился довольно неоднородный образ Рудного Алтая. Согласно наблюдениям В. В. Ведерникова, ученые, посещавшие Колывано-Воскресенские заводы, задумывались о перспективах сереброплавильного производства, о геологических процессах с точки зрения нептунической (Г. В. Ренованц) и плутонической (А. Гумбольдт) теорий. Следы деятельности древнего народа «чуди» создали представление о былом населении Южной Сибири. Процесс политического присоединения Алтая к Российской империи в XVII–XVIII вв., сопровождавшийся строительством острогов для защиты от нападений Джунгарского ханства, и процесс стихийной земледельческой колонизации расценивались как основа мирового успеха алтайского горного дела и эффективного развития сельского хозяйства в регионе [Ведерников].

Образ Змеиногорска в научно-популярной и путевой прозе первой трети XIX в. формировался под влиянием двух реальных объектов — рудника и конной железной дороги, соединявшей его с сереброплавильным заводом. Ландшафтной доминантой была Караульная сопка, возвышавшаяся над окрестностями, внимание привлекали также пруд, возникший благодаря плотине, и река Змеевка у подошвы Змеиной горы [Ведерников, с. 47]. Путешественники создали достоверное описание Змеиногорска и окрестностей [Дегтярев, с. 71]. Немецкий географ К. Риттер, описывая в книге 1832 г. выдающиеся технические достижения города, резюмировал: «...в истории цивилизации на Алтае (Змеиногорск. — Т. Б.) повторяет ту же роль, которую сто лет назад играл Екатеринбург на Урале, на границе между Азией и Европой» [цит. по: Ведерников, с. 47]. Несколько позднее областник Н. М. Ядринцев в путевых записках «Сибирская Швейцария» (1880) проводил аналогичное сравнение: «Всем известно значение Екатеринбурга, славящегося каменными и гранильными произведениями <...>. Но едва ли многие знают о подобных же произведениях Алтая <...> из недоступных гор Алтайских, несомненно более величественных и прекрасных, чем Урал, и таящих не меньше сокровищ» [Ядринцев, с. 308].

Камнерезное искусство Алтая и связанные с Колыванью фольклорные представления, собранные А. А. Мисюревым в 1930-е гг. [Мисюрев], к сожалению, не получили на Алтае столь же талантливой литературной переработки, как это случилось с уральским фольклором в творчестве П. П. Бажова. Тем не менее, параллель Змеиногорского края и Урала оказалась едва ли не обязательным элементом образа региона, сформированного как в местной народной среде, так и в международной документальной прозе.

Подобно Екатеринбургу, Змеиногорск очень долгое время не становился объектом описания в художественной литературе. Такая ситуация, по наблюдению Ю. В. Клочковой, складывается с «запланированными» городами. Города-заводы, созданные для укрепления промышленной базы страны, изначально существуют в полувоенном режиме, ориентированы на инженерно-технические, а не на эстетические достижения. Поэтому их литературное осмысление запаздывает [Клочкова, с. 11]. Если первый значительный художественный образ уральского города возник в 1880-е гг. в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка, то алтайскому городу, значительно более отдаленному от просвещенных центров страны, пришлось ждать еще около восьмидесяти лет. Между тем, по мнению В. В. Абашева, «только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру» [Абашев, с. 13]. На Урале людям, привыкшим к бескрайней широте русской равнины, открылась одушевленная глубина пространства, хранящая сокровища, внятен стал «хтонически окрашенный уральский теллуризм» [Там же, с. 26–28]. Нечто подобное, полагаем, произошло и при геопоэтическом освоении Рудного Алтая.

Первое художественное сочинение об истории освоения Змеиногорского края — «Тайна Змеиной горы» (1966). Автор, П. А. Бородин (1918–1986), был профессиональным историком и краеведом, сотрудником Алтайского государственного архива, соавтором пятитомной академической «Истории Сибири». Он прекрасно владел материалом и, органично сочетая историческую и художественную правду, создал повесть, выдержавшую несколько переизданий.

Автор опирался на различный по происхождению комплекс представлений о Рудном Алтае — научных, документальных и фольклорных. Так, утверждение Н. М. Ядринцева, что люди Демидова разыскивали металлы «по старым чудским копиям и шурфам, где люди медного века проложили дорогу новой культуре» [Ядринцев, с. 308–309], становится элементом нарратива в повести; археологическая находка, упомянутая П. С. Палласом, посетившим Алтай в 1771 г. и его современником геологом Г. М. Ренованцем [Ведерников, с. 44], оказывается воспоминанием персонажа.

Историко-географические и публицистические труды обеспечили достоверную «плоть» повествования. Фольклорные источники в большей степени повлияли на создание ментальной характеристики работников рудника: «О рудных сокровищах Змеевой горы ходили упорные людские слухи. Говорили, что под каменным покрывалом горы текли реки расплавленного золота и серебра.

Но к ним не было доступа смертному человеку. Зорко охранял сокровище Горный змей — коварное чудовище о семи головах. От одного его пронзительного свиста все живое превращалось в прах» (с. 23)².

Автор-реалист не допускает развития ложных, на его взгляд, мифологических представлений. Федор Лелеснов рассуждает рационально и принимает решение вести геологическую разведку на Змеевой горе: «Может, того чуда и в помине не бывало. А простых змей доводилось мне сотнями на костре сжигать» (с. 24). Все попытки мистических толкований последовательно пресекаются. Так, когда Иван Соленый делает кольцо из конской упряжи вокруг места ночлега, «колдовство» объясняется просто: «...змея конского поту не переносит, через волосяную веревку не переползет» (Там же). «Резкий пронзительный свист», который слышит пострадавший в подземном обвале Федор, оказывается спасительным призывом друга, который его искал, а не смертельным свистом Горного змея (с. 26). Вера в Горного змея, в конце концов, исчезает даже у детей, наиболее восприимчивых ко всему фантастическому: «Брехня тот змей. Все говорят — змей, змей. А кто видал его? Если самделишный, то в гору не пустил бы никого и свое отродье в обиду не дал бы» (с. 137). Здесь речь идет о приказе начальства убивать ядовитых змей, минимум пятьдесят на семью за день. Случалось, что от укусов гадюк умирали дети, тогда похороны справлялись за счет рудника: «...совершалась торжественная, проникновенная служба за упокой душ, погибших в борьбе с “лютым змием”» (с. 108).

Постепенно П. А. Бородин укрепляет читателя в мысли, что все беды от Змея, на самом деле — беды от начальства. «Каменная утроба» Змея-горы, в которую «ломились» люди (с. 106), начинает их как бы пожирать, погребая в обвалах. Вдова погибшего бергайера кликушествует: «Огню предайте себя, но не тревожьте змея семиглавого! Сушит-крушит ентот змей проклятый всех, кто в его логово заглядывает. Морской волной накрывает за дерзость и непотчение к себе. Изы-ы-ydi-и-те от змея! В том спасение ваше, люди!..» (с. 171).

Погибель же приходит не от мифического Змея: вдову тайком берут под стражу, и она исчезает. Одновременно появляется могила в самом глубоком и потаенном месте горы — Крестительской штольне, где работают на пожизненной каторге неугодные местным управленцам люди, беглецы и смутьяны.

Гибель укушенных змеями детей, людей в шахтах — все эти смерти спровоцированы жадными и трусливыми представителями власти, попирающими законы природные и человеческие. Жестокий змей обнаруживается не вовне, а внутри человека, становится метафорой душевного окаменения власть имущего человека: от жадности «холодным змеиным огоньком занялись глаза Беэра³» (с. 189), в испуге перед гадюкой его лицо «окаменело» (с. 161), «стало

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [Бородин] с указанием страниц в круглых скобках.

³ Андреас Бенедиктович Беэр (1696–1751) — первый начальник Колывано-Воскресенских заводов при императорском Кабинете, личность далеко не столь однозначная, как сатирически выведенный персонаж П. А. Бородкина.

мраморным» (с. 107), когда он задумал подлость «немигающие бесцветные глаза казались незрячими. Потом от неожиданной и яркой вспышки в мозгу окаменевшее лицо прояснилось» (с. 128); как «каменное изваяние» застывает поручик, усмиряющий справедливо возмущенных рабочих, на его лице «известковая бледность», шпага его блестит «холодной змейкой» (с. 193). Реальные змеи и уподобленные змеям люди находятся в конфликтных отношениях. Беэр неоднократно пугается змей, принимает лягушку за змею. Сержанта ужалила змея, благодаря чему Лелеснов получил возможность вместо него поехать в Барнаул. Рудознатец хотел просить у Беэра заслуженную, но взятую «на сохранение» награду за открытие Змеевского серебряного месторождения, чтобы спасти умирающую жену. В городе Федор узнает, что генерал скончался. На функциональном уровне сержант и генерал оказываются своего рода двойниками, укус змеей одного как бы приводит к смерти другого. Надежды героя на награду оказались разрушены, хитрый Беэр успел подделать документы, открытие приписали «чуди», чтобы не платить премию. Если от реальной змеи можно спастись (ранее Федор успевает отсосать яд из укуса и спасти друга Ивана), то от человека-«змеи» — нельзя. Жена Федора гибнет, как и многие другие безымянные работники завода.

Изначально подземные недра описываются как прекрасное место:

При свете факела изломы горных пород поражали глаз разнообразием своих форм, цветов и рисунков. Синие-дымчатые и серовидные струеватые роговики поблескивали вкрапленными кварцевыми жилками, слюдяными глазками и горными хрусталиками. Разноцветные и разнотонные шпаты, кварцы и мергели были украшены тонкими веточками горной сини, лазури, медной зелени, пятнами багрово-красной и желтой охры (с. 26).

Даже змеиная метафорика не несет отрицательных коннотаций:

Сквозь тонкие каменные расселины незримо сочилась ключевая вода, скапливалась ниже, с ворчаньем текла змеистым ручейком между шпатовыми, кварцевыми и охренными камнями, со звоном срывалась в обрыв и на солнце напоминала расплавленное золото (с. 45).

Хищническая деятельность промышленников превращает природное идиллическое пространство в подобие преисподней: «Под окрики доглядчиков работные снуют, как грешники в аду» (с. 52). Ярусное углубление разработок внутрь горы подобно кругам Данте [Изотова, с. 36]:

Все дальше и глубже уходили выработки в Змееву гору. Проходка штолен велась по горизонтам. Чем ниже горизонт, тем труднее работать. Не хватало свежего воздуха <...> в горизонтальные выработки по сторонам от штолен земная свежесть не попадала.

От штолен верхнего горизонта под прямым углом или с наклоном уходили вертикальные выработки. От них на определенной глубине, смотря по рудным залежам, вновь долбили штольни. Часто они имели полуциркульные ходы и выходы. <...>

еще рассвет не серел, а черные пасти шахт и штолен проглатывали сотни бергайеров. Ненасытно каменное чрево (с. 129–130).

Спасение из этого ада социальной несправедливости видится советским авторам в подпольной борьбе за свободу, напоминающей, вопреки исторической достоверности, деятельность революционеров в начале XX в. После гибели жены героя удерживают от суицида слова безответно влюбленной в него Насти, своего рода «соратницы по партии»: «Тебе, Федор, жить надо. Не все руды в здешнем краю сысканы... В потаенных забоях гнут спины секретные колодники, ждут волюшки...» (с. 230).

Две доминанты горнозаводского Змеиногорска (рудное богатство и каторга заводов) совпадают с важнейшими составляющими литературного образа Екатеринбурга первой трети XIX в. [Клочкова, с. 9]. В типологическом отношении, полагаем, семиотика обоих городов, несмотря на то, что они расположены на горах, тяготеет не к городам «концентрического» типа, выступающим в качестве посредников между небом и землей, а к городам «эксцентрическим», т. е. расположенным «на краю» культурного пространства [Лотман, 2000, с. 321]. Известно, что и Урал, и Рудный Алтай каждый в свое время были зоной фронта, т. е. подвижной границы между освоенной и неосвоенной русскими территорией, «своим» и «чужим». В «эксцентрических» городах ведущей является оппозиция «естественное / искусственное». Борьба города с природой интерпретируется как «победа разума над стихиями» либо как «извращенность естественного порядка» [Там же]. В случае со Змеиногорском в документальной прозе XVIII–XIX вв. звучит гимн разуму, в художественном же опыте середины XX в. акцент поставлен на искажении природной благодати. Окраинные города продуцируют эсхатологические мифы о себе, поэтому не удивительно, что в Змеиногорске имеется свой миф о потопе: однажды Змеиная гора уйдет под землю, яма заполнится водой, образуется озеро, в живых останутся лишь праведники [Клешнев].

В исторической повести П. А. Бородкина, созданной по соцреалистическим лекалам, проступают и другие универсальные мифологические схемы. В работах Ю. М. Лотмана, В. И. Тюпы сформулирован инвариант «сибирского текста», предпосылки которого кроются в архаическом обряде инициации и в исторической роли Сибири как места ссылки и каторги (здесь каторге уподоблена работа в забое и карательное отношение власти к крепостным). Пространство Сибири ассоциируется с загробным миром либо с краем «лиминарной полусмерти» [Тюпа, с. 28]. Пребывание в Сибири описывается как символическая «смерть» (страдание, болезнь и пр.) и предполагает наличие следующего «звена» модели инициации — воскресения [Лотман, 1997, с. 723–724]. К. В. Анисимов указал на то обстоятельство, что помимо «негативного» сюжета «сибирского текста» существует его «позитивный» вариант, воплощенный в летописях и связанный с исторически первичным этапом колонизации идилической Сибири. Исследователь возводит оба типа сюжета к инвариантной «ситуации “перехода” в *terra*

incognita, подразумевающей богатый выбор перспектив для героя — от гибели до духовного перерождения» [Анисимов, с. 75].

У Бородкина освоение нового региона Сибири начинается с описаний эдемской красоты и щедрости пространства, далее подробнейшим образом описан «адский» этап типичного сибирского сюжета⁴, а «воскресение» лишь намечено в финале. Пока же героям предстоит продолжать борьбу с метафорическим Змеем — властью, т. е. актуализируется мифологический сюжет змееборчества.

Собственно, параллелизм змееборчества и борьбы с начальством возник еще в колыванском фольклоре о двенадцати братьях-богатырях Белоусовых. Старший брат убил на покосе змея. Подвиг его описывается по былинным и сказочным канонам:

Змей-то вышел и лег на каменную плиту. С виду — громаднейшее бревно. Белоусов не струсил, топором его — раз! Хотел башку отсечь. С одного раза не отсек — змей проснулся, да как чихнет — искры полетели. Еще ударил — змей засвистел, завыл. С третьего раза отсек ему башку.

Змей хоть и безголовый, а живет. Обхватил его хвостом, давит, вырваться нельзя. Белоусов кричит:

— Братухи, скорее!

Братья прибежали, народ сбегался. Едва отцепили змеиный-то хвост. Голову змеиную накинута на кол — аршина три-четыре в ней будет — понесли в Колывань, песню запели [Мисюрев, с. 31–32].

Управляющий повелел принести еще три головы. Примечательна фраза старшего брата, устанавливающая отмеченную выше аналогию: «Змей загубит нас или управляющий задерет» [Там же, с. 32]. Братья сбегают в горы. Потом неоднократно тайком возвращаются, хотят подстрелить управляющего. Если «змеи ушли из этих мест» [Там же, с. 35], то борьба с властными самодурами не увенчалась успехом. В одной легенде братья уходят в горы навсегда, в другой же сдаются, чтобы спасти истязаемого начальством отца, и умирают [Там же, с. 35–36].

Оба сюжета — инициации и змееборчества, независимых по отношению друг другу и инвариантных для человеческой культуры⁵, оказываются сопряжены в художественных произведениях о Змеиногорске — необязательно

⁴ Показательно, что олонекские старцы, открывшие медное месторождение, в качестве награды попросили Акинфия Демидова выплавить колокол из этой меди для местной церкви, что и было исполнено. Позднее же святое пространство превращается в inferнальное, подобное каторге. В патристической лирике современных змеиногорских поэтов эта трансформация становится «общим местом»: город «слышал звон кандалов, <...> колоколов перезвон» (Т. П. Нечунаева «Колокольному Змеиногорску») [Змеиногорск..., с. 116].

⁵ Согласно концепции В. В. Иванова и В. Н. Топорова [Иванов, Топоров], в основе всей индоевропейской культуры лежит так называемый «основной миф» — сюжет о битве бога Громовержца со змеевидным противником.

в пределах одного произведения, но на уровне едва намеченного «сверхтекста»⁶. Так, следы змееборческого сюжета можно усмотреть в стихотворении Е. Евтушенко «Продукты» (1955) [Евтушенко, с. 53–55]. На Алтае Е. Евтушенко оказался в 1948–1949 гг. в составе геологоразведочной экспедиции: работал завхозом, посещал и Змеиногорск. Процесс добывания продуктов в условиях послевоенного дефицита иронично описан как своего рода богатырский подвиг: «с пожеланьями благими» героя каждую субботу «водружали на коня»; «с видом доблестным и смелым» он въезжал в город; невероятными трудами «по-детски клянча» и «взросло матерясь», «с горением внутри» добывал хлеб. Главное сражение происходило в райкоме, где он «кнутовищем в стол стучал», грозил, «что все перетрясу» и «вырывал еще и мыло, и вермишель, и колбасу». Затем следовал долгий путь домой, где изнемогающий герой «падал в сено сам не свой», и его встречали как победителя: «чьи-то ласковые руки / шнурки развязывали мне». Усмотреть в райкомовском секретаре «Змея» позволяет то обстоятельство, что поистине эпическое действие происходит в поименованном месте его обитания — Змеиногорске.

Сюжет инициации, как уже было отмечено выше, у П. А. Бородкина реализован лишь отчасти, акцент сделан на inferнальном этапе. Намеченное после символической смерти «воскресение» природы и социума в полной мере состоялось в небольшом очерке А. П. Хейдока «О Змеиногорске» (1981) [Хейдок]. Белоэмигрант, ученик Н. К. Рериха вернулся в СССР в 1947 г. Последние годы жизни, с 1981 г., провел на Алтае, в Змеиногорске. Видимо, опыт общения с Н. К. Рерихом, искавшим мистическую страну Беловодье-Шамбалу на Алтае, повлиял на образ Змеиногорска. Город описан как достигнутый рай и в природном, и в социальном отношениях. Тем самым, реализованная в повести П. А. Бородкина универсальная культурная оппозиция «благая природа — губительная цивилизация» нейтрализуется.

«Лучше климата нет!», — восклицает местная жительница [Хейдок, с. 241]. Две горожанки, гостившие у детей в Барнауле и Усть-Каменогорске, чувствовали там недомогание, но «почти сразу выздоровели, как только вернулись в Змеиногорск» [Там же, с. 245]. Город расположен «в чаше, посреди холмов», «везде много зелени, старые деревья, черемуха, у окон домиков — сирень», «ни одной заводской трубы» [Там же, с. 241], «из кранов водопровода льется вода чистая, как слеза, и ни в каком хлорировании не нуждается», «...почва под городом золотоносная» [Там же, с. 242].

Социальное устройство тоже идеально: «в этом городе нет преступности, нет злостного хулиганства», «запирать двери нет никакой надобности — никто чужого не возьмет» [Там же], щедрые местные жители бесплатно отсыплют ведро

⁶ Под сверхтекстом понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию (здесь — Змеиногорск и окрестности. — Т. Б.), образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис]. Конечно, говорить о существовании полноценного «змеиногорского сверхтекста» было бы преувеличением.

картошки, кормят случайных гостей. Рассказчик, рассуждая о причинах такой благодати, указывает на отсутствие промышленности. Былая горнозаводская слава города давно миновала, нет пришлых людей, а потому и нравы жителей сохранили дух «древлего благочестия» старообрядцев, якобы, коренных жителей города [Там же, с. 243].

Развивая авторскую идею земного рая, следует вспомнить о представлениях старообрядцев, что Беловодье находится на Алтае и попасть туда можно через подземные ходы⁷ [Клешнев]. Можно сказать, что тяжелейший труд горнозаводских рабочих, описанный в повести П. А. Бородкина как подземный ад, стал тем самым невыносимо трудным, смертоносным, но неминуемым путем к достижению счастья человечества. На свертхтекстовом уровне реализуется типичный для советской культуры переход Змеиногорска от ужасов и несправедливостей дореволюционной эпохи к достижениям социализма: Бородкин описывает первый этап, а Хейдок — второй. Проекция частной провинциальной модели на исторический путь всей страны (*pars pro toto*) делается очевидной при описании образцового колхоза из окрестностей Змеиногорска с примечательным названием — «Россия» [Хейдок, с. 245].

В сказке для детей «Егорка и Змей Добрыныч» (2009) современного алтайского автора Юстасии Тарасава (Натальи Владимировны Тарасовой) происходит возврат к древним представлениям о персонифицированном Хозяине земных недр — Горном Змее. Жанр сказки позволил писательнице сделать Змея Добрыныча и его дядю Горного Змея действующими лицами. Автор привлекла широкий спектр мифологических, сказочных, краеведческих представлений, чтобы сотворить оригинальную увлекательную историю. Не вдаваясь в подробности характеристики Горного Змея в роли хранителя подземных сокровищ, где Юстасия Тарасава вторит П. А. Бородкину, обратимся к описанию города Змеиногорска: «Горы не было. На ее месте зиял провал. Котлован. Карьер» [Тарасава, с. 86]. В советские годы добыча руды велась открытым способом, при помощи взрывов. В результате на месте Змеевой горы возникла яма глубиной около 60 м. Но рудные разработки XVIII–XIX вв. уходили еще глубже, до 420 м, создавая, по сути, подземный город. Он представлял собой многочисленные шахты, штольни, штреки. В подземелье существовали конюшни, церковь для отпевания умерших. Кладоискатель Колыван, антагонист героев повести, полез в карьер, чтобы проникнуть в подземный город, где якобы можно найти «сокровища демидовские» [Там же, с. 102]. Юстасия Тарасава делает акцент на воспитании экологического сознания юных читателей. Горный Змей, проспавший более двух веков, с горечью признает:

Обидели меня люди, логово мое разорили, подземные тайники ограбили. <...>
Понастроили тута рудников, заводов, сто годков деньгу печатали в царскую казну,

⁷ Сюжет о пути к Беловодью через подземные ходы косвенно, без названия топонима, реализуется в романе современного алтайского писателя В. Н. Токмакова «Запретная Книга Белого Бурхана» (2017) [Токмаков].

а все жадничали. Медь дал, серебро дал, свинец дал, золотишко дал, камней не пожалел. А все прорвам ненасытным мало. Обозами, доверху груженными, мои подарки вывозили. Дорогу проторили — Черный тракт [Там же, с. 126].

Действительно, Змеиногорский тракт, соединявший Змеиногорский рудник с Барнаульским заводом, где происходила стандартизация выплавленного серебра, называли Черным трактом, во-первых, потому что «зимой и летом дорога и деревья по ее обочинам были густо припудрены рудной и угольной пылью», а во-вторых, потому что немало рудовозцев из приписных крестьян погибло на нем [Тарасава, с. 126].

Возникает дилемма: человечеству нужны сокровища недр, но при их добыче происходит экологическая катастрофа. Змей разрешает этот конфликт интересов так: «Все можно, ежели польза есть. И ничего нельзя без пользы. <...> Коли одному польза, а всем убыток, так то корысть» [Там же, с. 131]. Племянник Змей Добрыныч подытоживает: «Дядькина забота — границу стеречь, чтобы все по справедливости было: чтоб люди землю не грабили, и чтоб земля от людей богатства не скрывала» [Там же, с. 132]. В духе «примирительной» воспитательной стратегии автора змееборческий сюжет развивается в сторону нейтрализации оппозиции Змея и богатыря. На уровне персонажей-детей испуг Змея Добрыныча, когда он услышал имя мальчика — Егорка, оказался безосновательным. Этот Егорий со Змеем не борется, а дружит. Точно так же и на уровне взрослых персонажей лесник Михаил, преемник Добрыни Никитича, подружился с Горным Змеем. Так современным автором по-новому разрешается конфликт змеиногорской природы и цивилизации, впервые со всей наглядностью обозначенный П. А. Бородкиным.

Следует указать на то удручающее, а может быть, и вдохновляющее обстоятельство, что мифологический потенциал города Змеиногорская видится гораздо более мощным, чем он оказался реализован в художественных текстах. Перспективным, к примеру, представляется предание о том, что довлеющая над городом сопка Караульная является полостью внутри. По подземному озеру внутри горы плавают струи Ермака, заполненные золотом [Клешнев]. Ермак в местных краях не бывал, но, тем не менее, оказался причастен городскому пространству. В 2006 г. на берегу плотины был установлен восьмиметровый памятник завоевателю Сибири [«Последний поход Ермака в Сибирь»]. Теперь Ермак мыслится горожанами как новый Хранитель окрестных мест.

Значительными текстопорождающими интенциями обладают легенды и предания о К. Д. Фролове, который окончил горнозаводскую школу в Екатеринбургe, возглавлял все золотые промыслы Урала, а затем руководил всеми рудниками Алтая, придумал и внедрил выдающиеся гидротехнические изобретения в Змеиногорске. Местные писатели обязательно упоминают в своих произведениях не только «культурных героев» города — Ф. Е. Лелеснова, К. Д. Фролова, но и Ф. М. Достоевского. Писатель девять раз посетил город в 1855–1857 гг., так как именно через Змеиногорск проходил маршрут из Семипалатинска, где

он отбывал военную службу после омской каторги, в Кузнецк, где жила его будущая жена М. Д. Исаева. «Породнил тебя с Невою Достоевский», — уповает поэтесса Т. П. Нечунаева в стихотворении «Колокольному Змеиногорску» [Змеиногорск..., с. 117], обнажая свойственные провинциальным городам претензии на «столичность».

Итак, образ Змеиногорска, во многом близкий образу Екатеринбурга, начинает формироваться в горнозаводском фольклоре, в текстах документально-описательного характера, путевой прозе XVIII–XIX вв. Первой, вполне успешной, попыткой перевода фактической и мифологической реальности Змеиногорска в художественный образ является историческая повесть П. А. Бородкина, в которой выделяются две связанных с городом и рудником доминанты: идеализированная природа и inferнальная, каторжная работа в забоях. Сюжет перехода от рая к аду и наоборот, сопровождающийся трансформацией героя, следует сложившейся в «сибирском тексте» литературной традиции. Соцреалистические штампы в решении проблемы социальной несправедливости базируются на архетипическом сюжете змеборчества. Оба отмеченных сюжета продолжают функционировать в последующей литературе о Змеиногорске.

Источники

Бородкин П. А. Тайна Змеиной горы. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970.

Етушенко Е. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 : 1952–1965. Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1980.

Змеиногорск в культурном пространстве Алтая : материалы краев. науч.-практ. конф. «Малые города России: история и перспективы Змеиногорска» / [редкол.: Л. А. Никитина и др.]. Барнаул : Аз Бука, 2002.

Клешнев А. Легенды Змеиногорских рудников. URL: <https://tainy.net/8595-legendy-zmeinogorskix-rudnikov.html> (дата обращения: 17.07.9018).

Мисюров А. А. Легенды Горной Колывани / сост. А. М. Родионов. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989.

«Последний поход Ермака в Сибирь»: литературный дебют Сергея Яловцева // Алтайская краевая универсальная научная библиотека : краеведческий портал. URL: <http://akunb.altlib.ru/2016/01/19/posledniy-pohod-ermaka-v-sibir-literaturnyy-debyut-sergeya-yalovtseva/> (дата обращения: 17.07.9018).

Тарасава Ю. Егорка и Змей Добрыныч. Барнаул : Азбука, 2009.

Токмаков В. Н. Запретная Книга Белого Бурхана. Барнаул : [б. и.], 2017.

Хейдок А. П. О Змеиногорске // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Т. 5 : 1970–1980 гг. Барнаул : ИД Барнаул, 2012. С. 241–246.

Ядринцев Н. М. Сибирская Швейцария // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Т. 1 : 1850–1900 гг. Барнаул : ИД Барнаул, 2012. С. 303–318.

Исследования

Абашев В. В. Русская литература. Урал. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012.

Анисимов К. В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре : [сб. ст.]. Вып. 2 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 60–76.

Бородаев В. Б., Контев А. В. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска) / ред. В. А. Моисеев. Барнаул : Изд. Управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 73–128.

Ведерников В. В. Особенности формирования образа горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-05 // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : Исторические науки и археология. 2015. № 3/2 (87). С. 42–49.

Дегтярев Д. С. Змеиногорск глазами ученых и путешественников XVIII–XIX вв. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-09 // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : Исторические науки и археология. 2015. № 3/2 (87). С. 68–71.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974.

Изотова Я. П. Регионально-историческая геопоэтика повести П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков / отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул : АлтГПУ. 2017. С. 31–37.

Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII — середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2006.

Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб. : Искусство–СПб, 1997. С. 712–729.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство–СПб, 2000. С. 320–334.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5> (дата обращения: 17.07.9018).

Никитин А. С. Династический миф в уральском тексте // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 145–155.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Феокистова И. К. Повествования о Горном Батюшке в сборниках А. Мисюрева: вопросы жанра и формы бытования // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 226–231.

Шнайдер С. Н. Змеиногорск: память о закладной жертве в истории города // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7 : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. К. Щеглова, И. В. Октябрьская. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 489–490.

References

Abashev, V. V. (2012). *Russkaia literatura Urala. Problemy geopoetiki: uchebnoe posobie* [Russian Literature of the Urals. Issues of Geo-Poetics: A Handbook]. Perm: Perm State National Research University.

Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatika i sintagmatika “Sibirskogo teksta” russkoi literatury [Paradigmatics and Syntagmatics of the “Siberian Text” of Russian Literature]. In A. P. Kazarkin, & N. V. Serebrennikov (Eds.), *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture* [Siberian Text in Russian Culture] (Iss. 2, pp. 60–76). Tomsk: Tomsk University Press.

Borodaev, V. B., & Kontev, A. V. (1999). Vozniknovenie rossiiskogo serebroplavil'nogo proizvodstva na Altae i osnovanie goroda Zmeinogorska [The Emergence of the Russian Silver Industry in Altai and the Foundation of the Town of Zmeinogorsk]. In V. A. Moiseyev (Ed.), *Serebriani venets Rossii (Ocherki istorii Zmeinogorska)* [The Silver Crown of Russia (Essays on the History of Zmeinogorsk)] (pp. 73–128). Barnaul: Izd. Upravleniia arkhivnogo dela administratsii Altaiskogo kraia.

Degtyarev, D. S. (2015). Zmeinogorsk glazami uchenykh i puteshestvennikov XVIII–XIX vv. [Zmeinogorsk through the Eyes of Scientists and Travelers of the 18th–19th Centuries]. *Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archeology*, 3/2 (87), 68–71. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2-09)

Feoktistova, I. K. (2011). Povestvovaniia o Gornom Batiushke v sbornikakh A. Misiureva: voprosy zhanra i formy bytovaniia [Narratives about the Mountain Father in A. Misyurev's Collections: Questions of the Genre and Form of Existence]. *Herald of Omsk University*, 3, 226–231.

Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1974). *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* [Research in Slavic Antiquities]. Moscow: Nauka.

Izotova, Ya. P. (2017). Regional'no-istoricheskaiia geopoetika povesti P. A. Borodkina "Tainy Zmeinoi gory" [Regional Historical Geo-Poetics of the Story by P. A. Borodkin *Secrets of Snake Mountain*]. In A. I. Kulyapin (Ed.), *Geopoetika Sibiri i Altaia v otechestvennoi literature XIX–XX vekov* [The Geo-Poetics of Siberia and Altai in the Russian Literature of the 19th–20th Centuries] (pp. 31–37). Barnaul: Altai State Pedagogical University.

Klochkova, Yu. V. (2006). *Obraz Ekaterinburga/Sverdlovsk v russkoi literature (XVIII — seredina XX v.v.)* [The Image of Yekaterinburg/Sverdlovsk in Russian Literature (18th — mid-20th Centuries)] (doctoral dissertation abstract). Ural State University, Yekaterinburg.

Lotman, Yu. M. (1997). Siuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiiia [The Plot of the Russian Novel of the 19th Century]. In Yu. M. Lotman, *O russkoi literature* [About Russian Literature] (pp. 712–729). St Petersburg: Iskusstvo–SPb.

Lotman, Yu. M. (2000). Simvolika Peterburga [Symbols of Petersburg]. In Yu. M. Lotman, *Semiosfera* [Semiosphere] (pp. 320–334). St Petersburg: Iskusstvo–SPb.

Mednis, N. E. (2003). *Sverkhteksty v russkoi literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NPGU Press. Retrieved from <https://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835>.

Nikitin, A. S. (2010). Dinasticheskii mif v ural'skom tekste [Dynastic Myth in the Ural Text]. *Izvestia. Ural State University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2 (76), 145–155.

Schneider, S. N. (2008). Zmeinogorsk: pamiat' o zakladnoi zhertve v istorii goroda [Zmeinogorsk: The Memory of the Foundation Sacrifice in the History of the Town]. In T. K. Shcheglova, & I. V. Oktyabr'skaya (Eds.), *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories] (Iss. 7, pp. 489–490). Barnaul: BGPU.

Tyupa, V. I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoi literature [The Mythologem of Siberia: The Issue of the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Siberian Journal of Philology*, 1, 27–35.

Vedernikov, V. V. (2015). Osobennosti formirovaniia obraza gornozavodskogo Altaia v sochineniiakh sovremennikov (vtoraia polovina XVIII — pervaiia tret' XIX v.) [The Peculiarities of the Mining Altai Image in the Works of Contemporaries (Second Half of the 18th and First Third of the 19th Centuries)]. *Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archeology*, 3/2 (87), 42–49. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2-05](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2-05)

Богумил Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы
Алтайский государственный
педагогический университет
656031, Барнаул, Молодежная, 55
E-mail: tbogumil@mail.ru

Bogumil, Tatiana Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Literature
Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya Str., 656031 Barnaul, Russia
Email: tbogumil@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5166-9132
ResearcherID: U-5747-2019